

Мария ГУДЫМА

"Маля, какой вы была!"

Эта фраза из текста едва не стала заголовком книги, о которой пойдет речь. Однако название выплыло из последней главы, из такого трогательного абзаца: "Жизнь — как детская рубашка: короткая, записанная и засранный. У меня жизнь длинная. Но записанная — от рождения. Когда-то мы увлеклись детской игрой "Вверх и вниз". Была нарисована лестница. Бросаешь фишку и поднимаешься на несколько ступенек. Бросаешь снова — и катишься вниз. Ой и забавная была игра. Так и наша жизнь: то вверх, то вниз. Я была и там, наверху, под небом, и в самом-самом низу, в яме глубокой, простите — вонючей. В ней и сейчас, потому что ослепла окончательно..."

В рамках XVII Международной книжной выставки-ярмарки "Зеленая волна" к одесситам попала новинка от издательства "Наири" — книга, написанная актрисой-одесситкой, вернее, не написанная, а надиктованная составителю Любви Журавлевой, ведь в конце жизни видеть она не могла, и структура книги уложилась в одиннадцать глав-кассет. На презентации мемуаров Народной артистки Украины Мальвины Швидлер "Жизнь, как детская рубашка" Любовь едва сдерживала слезу и тихо гордилась тем, что многие люди уверяли ее: "Читали и словно слышали Малин голос". Книга издана при содействии Киевского Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки, где актриса служила с 1945 года. Последнюю премьеру сыграла в 2001-м, а на сцену перестала выходить после того, как сослепу упала в партер — подхватили тогда, после этого согласилась выступить только на юбилее художественного руководителя театра Михаила Резникова, на сцену ее выносили и уносили обратно...

Мне повезло: в студенческие годы, а училась я в Киеве, в театральном, довелось видеть Мальвину Швидлер на сцене театра имени Леси Украинки, этот фейерверк энергии, задора, который был у актрисы в крови. Это были спектакли "ОБЭЖ", "Мамаша Кураж и ее дети", "Священные чудовища", "Кровавая свадьба", "Загадка дома Вернье", "Метерор", "Генералы в юбках", "Школа злословия"... Легендарные постановки. Конечно, в силу возраста она уже исполняла роли пожилых дам, за одним исключением: волей режиссера Виталия Малахова в "Мамаше Кураж" она играла... Командующего. Чудный был солдафон! Мужчины в труппе на эту роль не оказалось, гротеск — это было ей подвластно... Но дальше сцены мое знакомство с ней не простиралось, о чем теперь жалею, читая эти очаровательные мемуары, в которых Мальвина Зиновьевна, Маля, Малечка с убийственной самоиронией вспоминает о себе, с юмором и теплотой — о других. Ни капли желчи, ни грамма злобы — где вы видели такое? Она в этом не нуждалась и умела быть счастливой в самые суровые времена, потому что много в жизни ее было потерь, но главной для каждой актрисы — потери сцены — не случилось до последних дней жизни. И главной ошибки, предательства профессии, она не совершила.

Немного Одессы в ее воспоминаниях относится не к детскому даже и не к внутриутробному периоду жизни, а... Впрочем, сейчас сами поймете.

"Я появилась на свет не по собственной инициативе. И даже не по инициативе моих родителей. Я родилась по указанию мадам Дитман, хозяйки самой шикарной кондитерской. В те времена мои родные могли позволить себе такую роскошь — захаживать к Дитманам.

Мой папа работал управляющим кирпичного завода и хорошо зарабатывал. Правда, когда родилась я... Ладно, об этом отдельно.

И было у них, у папы с мамой, два сына. Кажется, старшему тогда исполнилось девять... Значит, младшему было не меньше семи. И отчего-то моим будущим братьям ни с того, ни с сего понадобилась сестричка. С тех пор они стали упорно выпрашивать ее у мамы. Причем они не просто просили сестричку, они требовали ее купить, хотя могу предположить, что этим двум чудным мальчикам в их годы было уже кое-что известно. Они так старательно выпрашивали ее у мамы, что в какой-то из дней мама согласилась. Но сама она рожать не собиралась. Ей было уже за тридцать. Точнее, ей было тридцать четыре. В то время женщины старше тридцати уже не рожали. Поэтому мои родные отправились в город: выбрать себе сестричку в приюте. Я говорю "в город", потому что жила наша благополучная семья на рабочей окраине Одессы.

Моего папу отыскать в городе было несложно. Чаще всего он пропадал в трактире. Простоял там с утра до вечера, потому что именно там заключались сделки по роду его деятельности, то есть в трактире он продавал кирпич. Мама не могла подняться в трактир.

Позже, когда мне исполнилось лет шесть,

она посылала меня туда за папой. Я помню тусклые облака, взлетающие от огромных фарфоровых чайников, очевидно, кузнецовских. Вечно наполненный людским гулом квадрат неяркого зала, но вовсе не от того, что там пили водку, а от того, что там заключали сделки. В том трактире пили только чай! Но мама все равно ждала папу в другом месте. На углу Преображенской и Тираспольской,

дая полная дама, облаченная в заметные брильянты и не вязавшийся с ними крошечный фартушек с рюшечками... Эта холеная мадам с вечно засученными до локтя рукавами неожиданно перешла на мощный крик, чем заставила своих дорогих посетителей умолкнуть и прислушаться к ее словам: "На х.. вам приют?! Вы еще очень молодая женщина. Вы обязаны рожать сами!"

у Дитманов. Я не оговорила: Тираспольской. Во всем мире название этой улицы прозвучало бы, став ударением на слог "ра", и только в Одессе делали акцент на второй части слова — "польской". Это была особенная улица. Она начиналась в центре Одессы и через три квартала упиралась в центр Молдаванки, в конце которой жил Мишка Япончик. Но в своем истоке это была тихая несуетливая улица. Неприлично броской на ней выглядела только вывеска "ДИТМАН", зазывающая в баснословно дорогую кондитерскую. Засидеться там за чашечкой кофе приравнивалось чуть ли не к посещению Европы. А находилось это сладкое место в двух кварталах от нужного нам трактира.

Кто сбежал за папой в тот день, неважно. Важно, что маме в тот день кофе с пирожным подавала сама мадам Дитман, хозяйка заведения. При этом она заметила: "Почему сегодня такие нарядные мальчики?"

А мою маму черт дернул за язык признаться: "Просто мы едем брать девочку из приюта".

Мадам Дитман отреагировала настолько темпераментно, впрочем, как это сделала бы на ее месте любая одесситка. Она всплеснула руками и вскрикнула: "Вейз мир!" Наверняка и все остальное, ею сказанное, звучало не совсем по-русски. Но общий смысл ее возмущения был приблизительно таков: "Вы с ума сошли! Как можно? Нет, я понимаю, если бы у вас не было детей! Но у вас есть два собственных сына! И глядя на них, нивроку, не скажешь, что у вас это плохо получается! Почему ж вы едете в приют? Послушайте, что я вам скажу! Может, вы и будете к этой девочке относиться не хуже, чем к своим мальчикам, но что вы станете делать, когда она вам от "добрых" людей принесет это мерзкое слово "приемись"?"

А вот тут простите за дословность, но эта хозяйка солидного заведения... Эта немоло-

ухаживаниях ее будущего мужа (после работы в парке на скамейке они пили водку, заедая паюсной икрой).

Переспрашиваю: "Вы говорили, что и хлеба тогда не было. А вино было?"

М.З.: "Какое там вино в голодной Одессе? Просто подумают, что я была дешевой... Вычеркни водку. Жалко, что ли?"

В итоге водка, конечно, осталась. Как и описания актерских вечерних посиделок с неизменными шутками, розыгрышами и горячительными напитками — история о том, как на гастролях Маля наполнила кучера и лошадей, а потом чуть ли не сама правила огромным экипажем на горной дороге (кассета седьмая), заставляя хохотать до слез. Кстати, о хохоте. Маля не скрывает даже такую пикантную особенность: от хохота она неизменно писалась и сердилась на своих партнеров, если они "раскалывали" ее прямо на сцене.

Злых чувств она ни к кому не питала, а светлые стоит ли скрывать, тем более что боли это уже никому не причинит?

Нет, не Мальвина ты, о нет!
Не с голубыми волосами.
Ты просто женщина моя!
Выбираем мы женщину сами!
Но вот когда родится сын,
А нам споят обрядный "аллилуйя",
Не отпущу тебя я с ним —
Втроем умрем иль будем жить, ликуя.

Знаменитый скульптор Евгений Вучетич ваял гигантских женщин вроде Родины-матери в Волгограде, а посвящал стихи миниатюрной брюнетке Мальвине Швидлер, сгорая от любви и надеясь увести от мужа, умолял родить ему сына — кокетливая Маля и сама страшно влюбилась, но семью свою разрушать не стала. Еще одесская мама ей говаривала: "Брюки надела — носи!" И она несла — с первым мужем жила до его гибели в автокатастрофе, со вторым за два года счастья заплатила шестнадцатью годами, проведенными с глубочайшим инвалидом в одной квартире, об интернате не позволяла заводить и речи. Известный российский художник Борис Диодоров рисовал с натуры. Она дружила с Тamarой Ханум, Никитой Богословским, задавала вопросы Михоэлсу и Книппер-Чеховой, доверительно общалась с Риной Зеленой, Марией Мироновой, Клавдией Шульженко.

Кассета десятая содержит в числе прочих "хохму об Утесове": "Одна моя приятельница после концерта подошла к Утесову:

— Леонид Осипович, вы такой прекрасный актер! Вы такой притягательный на сцене. Вы такой музыкальный. Спасибо вам! Я получила такое удовольствие...

Утесов слушал и млея. Сбоку стояла Клавдия Шульженко. Она обратилась к приятельнице:

— Вы только посмотрите на него, улыбается, как будто слышит это в первый раз.

На что Утесов ответил:

— А знаешь, Клава, приятно, как в первый".

Превыше похвал своей красоте и обаянию Маля ценила признание актерских заслуг. Ее первым партнером в джазе был швейцарец, человек с мировым именем, герой-любовник польского кино, певец и режиссер Евгений Бодо. Она играли скетчи в паре со знаменитым юмористом — Виктором Халатовым. Ее партнерами по сцене были звезды советского театра и кино: Константин Хохлов, Мария Стрелкова, Михаил Романов, Олег Борисов и многие другие.

Есть в книге и ценные советы по актерскому мастерству, сцендвижению, выплывающие из непринужденного рассказа, ведь жизнь и театр были неразделимы для актрисы. Мастер-класс от Романова в репетиционном зале однажды закончился болезненным ударом по Малиной руке: "Запомните на всю жизнь: параллельными руками на сцене бьют только у идиотов! Нормальный человек, да еще и в драматической сцене, не имеет права на параллельность рук! Если одна поднята, то вторая должна быть опущена. Если рука в стороне, то вторая опущена либо поднята. А то, что я вас больно ударил, поможет вам это запомнить. Я не стану просить у вас прощения. Так надо. Теоретически такие вещи не запоминаются. Нас тоже били. И довольно больно били!"

Одно время работала Мальвина Зиновьевна и в Одесской филармонии — вдруг кто-то из нынешних сотрудников ее помнит?... Безусловно, мемуары еще одной славной дочери Одессы должны украсить книжную полку каждого интеллигентного семейства. Или мы не читающая нация?... Или бестактное восклицание одного из поклонников: "Маля, какой вы была!" — может оставить в глубоком прошлом и прочном забвении эту удивительную актрису и женщину? Не верится.

Она была, но не закончилась, Маля все еще здесь, пока мы помним о ней, пока перед глазами ее спектакли на столичной сцене, пока в Одессе не перевелись мальчишки, которые просят сестричку, и кондитерши, которые советуют мамам рожать...